

ДУХОВНЫЕ ОБРАЗЫ ПЕНЗЕНСКИХ ПОДВИЖНИКОВ В ГОДЫ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ

Муж света

Преосвященный Иракий, епископ Пензенский, в миру Илья Константинович Попов родился 13 июля 1875 г. в с. Дубово Угличского уезда Ярославской губернии и происходил из семьи священника. В 1897 году он закончил Ярославскую духовную семинарию, а в 1903 г. поступил послушником в скит Св. Параклита, приписанный к Свято-Троицкой Сергиевой Лав-

* Дом заключения – очередное название Пензенской тюрьмы.

** Описано на основе Интернет-статьи Т. Гусельниковой «Храм Воскресения Словущего».

ре. В 1904 г. послушник Илия был пострижен в монашество с именем Ираклий. 12 февраля 1905 г. рукоположен в сан иеродиакона, а 5 сентября 1910 г. – в сан иеромонаха. Служил в Троицкой Лавре до 1919 года, где заведовал школами и типографией.

*Епископ Пензенский Ираклий
(Попов)*

В 1919 г. он был послан Патриархом Тихоном в Томск. Служил в Томском Богородице-Алексеевском монастыре, где в 1922 г. возведен в сан архимандрита. С 1919 по 1922 г. исполнял должность наместника монастыря.

Летом 1922 года в Томске началась кампания по изъятию церковных ценностей. Священнослужители и прихожане делали отчаянные попытки спасти хотя бы часть церковной утвари. В томской газете «Красное Знамя» говорится следующее: «Епископ Виктор (Богоявленский) и архимандрит Ираклий хотели скрыть от изъятия (не значащиеся по описи) 7 икон в

серебряных ризах и 5 риз домово́й церкви при бывшей семинарии. Все эти предметы были розданы на хранение через Марию Лекуб по частным квартирам (иконы найдены при обыске)...». «Добрая» комиссия разрешила сдать ризы с икон не до Пасхи, а после праздника, но «церковники» не спешили. К 30 апреля только три церкви сдали ризы, а остальные не исполнили своих обязательств: «...Наместник монастыря архимандрит Ираклий не сдал 2 ризы...».

В начале лета архимандрит Ираклий был арестован в составе группы из 33 человек духовенства и мирян во главе с епископом Виктором (Богоявленским). Дело было рассмотрено Томским трибуналом, который вынес крайне суровые приговоры: из 33 человек обвиняемых по делу, 9 человек, в том числе архимандрит Ираклий, были приговорены к расстрелу. По кассации 4 ноября 1922 года Сибирский Верховный Трибунал пересмотрел дело. Архимандрит Ираклий получил 3 года лишения свободы. В период следствия содержался в Томском доме лишения свободы,

а основной срок – в Томском Александровском изоляторе специального назначения. Все обвиняемые по этому делу впоследствии получили смягчение, а в ряде случаев и отмену наказания.

Через 2 года досрочно был освобожден и архимандрит Ираклий. С июля 1924 года он являлся настоятелем церкви в г. Канске Енисейской губернии (ныне Красноярский край) и благочинным церковью Канского округа. 27 сентября 1925 г. архимандрит Ираклий рукоположен во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1925 по 1926 г. временно управлял Иркутской епархией. В какую епархию был назначен епископ Ираклий, об этом говорят сами документы ОГПУ: «Город Иркутск, за период существования Советской власти стал местом, где сконцентрировалось мировое монархическое староцерковное духовенство, бежавшее в 1919 г. от пролетарского правосудия вместе с колчаковскими войсками, отступавшими под натиском Красной Армии, а также духовенство, отбывавшее наказание по суду в Александровском и Иркутском изоляторах, каковое по выходе из мест заключения нашло себе пристанище в Иркутске... История Иркутской епархии, за время существования Советской власти в Иркутской губернии, характеризуется антисоветской деятельностью, например, в 1922 г. антисоветская деятельность духовенства выразилась в организации нелегального Комитета взаимопомощи безработному и сосланному духовенству...».

С момента своего приезда Владыка Ираклий незамедлительно продолжил дело бывшего до него архиепископа Анатолия. Он был вдохновителем общества, деятельность которого была связана с оказанием взаимопомощи безработному и сосланному духовенству, возобновлением деятельности касс взаимопомощи; устраивались тарелочные и кружечные сборы в церквях с целью усиления материального фонда помощи староцерковному духовенству. Общество также оказывало сопротивление изъятию церковных ценностей. Уже в 1925 году Преосвященный Ираклий состоял под следствием Иркутского Губотдела ГПУ по ст. 73 за «распространение ложных слухов и антиправительственную агитацию».

12 апреля 1927 года Владыка был арестован, вместе с ним арестовали видных протоиереев, священников, дьяконов и мирян. Всем инкриминировалось распускание провокационных слухов, направленных на подрыв Советской власти, как то: «о скором падении Советской власти в связи с осложнениями на Дальнем Востоке, приходе «освободителей» Семенова, Чжэан-Зо-Лина и других белогвардейских авантюристов, слухов о том, что Сов. власть подкупает отдельных священников с целью разложения

религии, использовании смерти товарища Дзержинского в антисоветских целях, выражаясь в оскорбительных фразах «Собаке собачья смерть, оставил много невинных вдов и сирот...» и т. д.

В архиве Управления ФСБ по Иркутской области сохранилось заявление самого епископа Ираклия, где он пытается разъяснить цель церковных собраний: «Я полагал и теперь полагаю, что я имел право приглашать и просто принимать приходивших для беседы по церковным делам... Беседы устраивались по моему приглашению и имели характер частного (с угощением) салона. За чашкой чая велись беседы о животрепещущих церковных делах, но отнюдь политики не касались...». В период следствия Владыка Ираклий содержался в одиночной камере иркутского изолятора спецназначения. Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 1 июля 1927 года за антисоветскую агитацию по ст. 58-14, 58-18 (58-13 в ред. 1926 г.) епископ Ираклий и другие были приговорены к высылке из Иркутской губернии в Туруханский Край сроком на три года. Однако он был освобожден без всяких ограничений и в течение трех лет считался административно высланным в Красноярск. По отбытии срока 8 сентября 1930 года Преосвященный был лишен права проживания в Москве, Ленинграде и областях, Харькове, Киеве, Одессе и округах, Северо-Кавказском крае, Дагестане, Иркутском округе с прикреплением на 3 года к определенному месту жительства.

Хотя Владыка пробыл в Иркутской епархии всего несколько лет (с 1924 по 1928 г.), но среди старожилов Киренска, Н. Удинска оставил по себе память как о праведнике. Он был очень почитаем за свою смиренномудрую жизнь, за участие в горе ближнего, он был целитель болящих, которых привозили к нему с разных сторон. Особенно быструю помощь он оказывал болящим глазами.

Уже с 1928 года, (по другим сведениям с 1930 г.) Преосвященный Ираклий – епископ Камышинский, викарий Саратовской епархии. С 1931 г. – епископ Бугурусланский, викарий Оренбургской епархии. С 19 октября 1933 г. – епископ Курганский. С 5 декабря 1933 г. – епископ Сергачский, викарий Горьковской епархии. В 1934 году был епископом в г. Кунгуре (под Пермью), где служил без регистрации. С 30 сентября 1935 г. – епископ Бугурусланский, викарий Оренбургской епархии. С ноября 1936 г. по 21 января 1937 г. епархией не управлял.

В 1937 г. архиепископ Куйбышевский Ириней (Шульмин) ходатайствовал перед Московской Патриархией о назначении Ираклия епископом Пензенским. Назначение состоялось 9 февраля 1937 года, а 2 марта Владыка и православные христиане Митрофановской церкви шлют письма в Горсовет с просьбой за-

регистрировать епископа как законно назначенного. Целый месяц тянулись унижительные проволочки с подачей заявлений и биографических анкет. Наконец, Владыка Ираклий был утвержден епископом Пензенским и поселен в частном доме по улице Гоголя 17-3. Затем Владыка проживал около Митрофановской церкви, по улице Тимаковка, 50 (ныне Водопьянова).

Преосвященному довелось управлять Пензенской епархией в наиболее тяжелое время. Фактически это было управление не епархией, а одной Митрофановской церковью. В следственных документах НКВД он так и значится «служитель культа – епископ Митрофаньевской церкви в г. Пензе». Небольшой кладбищенский храм, когда-то стоявший на окраине города и приписанный к Введенской церкви, теперь стал кафедрой православного епископата, крепостью веры. Он никак не мог вместить всех христиан Пензы, но был единственным приходом, где совершалось каноническое богослужение. На праздник Святой Пасхи 1937 года собралось такое количество верующих, что большинство людей стояло на улице, а в храме многие теряли сознание от тесноты и удушья. Общество православных христиан города обратилось в горсовет с просьбой открыть хотя бы еще одну церковь, но власти сочли прошение безосновательным.

На пике христианских гонений через Митрофановскую церковь прошло большое количество православного духовенства. Это были церковнослужители, преследуемые властью или уже отбывшие наказание в советских тюрьмах и лагерях, но хранившие верность Матери-Церкви. Среди них известны не только штатные священники храма, постоянно менявшиеся в связи с арестами, но и временно сослужащие, прибывшие из закрытых сельских церквей. Многим из них приходилось быть на службах тайно, в качестве обычных прихожан.

Власти буквально сковали действия Владыки Ираклия, о его служении на Пензенской кафедре сведений почти не сохранилось. Известно, что в Пензе при Владыке находился послушник или келейник Иван Александрович Прозоров, которого в церковных кругах называли юродивым Ванюшей. Вероятно, келейником епископа он стал еще в начале 30-х гг., когда Владыка Ираклий был викарием Саратовской епархии, а Иван проходил послушание в Хвалынском монастыре. Там и состоялось их знакомство.

Пензенская епархия для Преосвященного Ираклия и его келейника Ванюши стала последней кафедрой. В сочельник, 6 января 1938 на Владыку, келейника, монахинь и весь причт Митрофановской церкви обрушились потоки газетной грязи и клеветы. В тот момент Владыка находился уже в Пензенской тюрьме. Его

арестовали еще 22 декабря 1937 года, и теперь власти готовили общество к «таинственному исчезновению» лучших клириков епархии.

*Церковь Свт. Митрофана
Воронежского*

Почти 2 месяца архипастырь находился в заключении, подвергался допросам и пыткам, хотя уже 26 декабря постановлением тройки при УНКВД по Куйбышевской области по ст. 58-10-11 УК РСФСР он был приговорен к расстрелу. Тяжелый земной путь архипастыря оборвался 14 февраля 1938 года. Вместе с ним расстреляли священников Митрофановской церкви П. И. Ремизова, С. И. Ключникова, заштатного священника П. И. Боголюбова и преподавателя Веселовской неполной средней школы, сына бывшего пензенского архитектора С. В. Семечкина. Все арестованные проходили по делу как члены одной «контрреволюционной церковно-монархической организации» во главе с обновленческим архиепископом Сергием (Сердобовым). «Руководитель организации» был арестован 3 декабря 1937 года, а следом за ним – его «сообщники» (шестеро священнослужителей и председатель церковного совета Мироносицкой церкви). Из них трое – архиепископ Сергий, обновленческие священники И. И. Андреев и Н. Д. Виноградов были приговорены к расстрелу, остальных приговорили к восьми–десяти годам заключения. Смертный приговор всем осужденным был приведен в исполнение 14 февраля 1938 года во дворе Пензенской тюрьмы.

Вслед за Владыкой мученическую кончину принял и послушник епископа Ираклия блаженный Ванюша Прозоров, которому тогда было 28 лет. Его арестовали 13 февраля 1938 года и через месяц, 13 марта он был расстрелян в составе уже другой группы духовенства и мирян.

Священник Анатолий Петрович Иссинский родился 14 февраля 1886 года в селе Пушкино Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Кадошкинского района Мордовии) и происходил из духовного звания. Его отец Петр Иванович после окончания Краснослободского духовного училища долгие годы трудился законоучителем в селе Пушкино Саранского уезда, где и умер в 1910 году.

Молодой Анатолий пошел по отцовским стопам: в 1904 году он также окончил полный курс Краснослободского духовного училища и в том же году был определен псаломщиком к церкви Святителя Николая села Панцыревка Городищенского уезда. В 1908 году Анатолий Петрович был перемещен псаломщиком в храм Архистратига Божия Михаила села Нечаевка Городищенского уезда, а в 1911 году – на диаконское место в храм Рождества Христова села Старые Турдаки Саранского уезда.

О. Анатолий Иссинский в сане диакона с семьей. 1911 г.

Уже в те молодые годы Анатолий имел столь крепкую веру, что сама его жизнь, его простые дела и беседы многих обращали на путь спасения. Сохранилось воспоминание о том, как из Нечаевки в Турдаки Анатолия перевозил некто мордвин Михаил Немойкин. Это был человек не воцерковленный, от которого то и дело можно было слышать бранное слово. Но по пути между путниками завязалась беседа, после которой Михаил стал человеком верующим и даже членом приходского совета при храме.

Вскоре, по приезде на новое место, Анатолий был рукоположен в сан диакона. Здесь он обрел спутницу своей жизни, верную супругу, которой стала дочь псаломщика села Хомутерь Барышского уезда Симбирской губернии Варвара Федоровна Ясницкая. Здесь же в Турдаках 12 января 1920 года родился их первенец – Константин. В Турдаках о. Анатолий служил со старейшим кли-

риком епархии священником Петром Марковичем Лебедевым*. Со службы о. Анатолий приходил всегда радостный, особенно в праздники. Бывало на праздник Входа Господня в Иерусалим принесет веточку вербы и, шутя, постукивая детей, скажет: «Вербохлест бей до слез».

В 1927 году о. Анатолия рукоположили в сан священника и переместили к церкви села Екатериновка Лунинского района. Безбожное время и гонения на духовенство не угасили его веры. Всем сердцем он любил Бога, Святую Русь и природу тех мест. Очень часто вместе с сыном Костей они ходили из Екатериновки в Старые Турдаки, где жил брат Виктор**. Дорога пролегла через живописную долину Суры. Холмы, покрытые лесом, полные цветов поля, родники и речушки придавали пейзажу неповторимый колорит. По дороге о. Анатолий рассказывал сыну о восстании Миронова, о военных действиях на станции Ст. Турдаки, рассказывал стихотворения. Одно из них, самое любимое, Костя запомнил на всю жизнь:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?
Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубяся над водою,
Бежит дымок синеющей струею?..

Отец Анатолий никогда не снимал своей рясы, где бы он ни находился. Власти расценивали это как наглядную антисоветскую агитацию и 9 июня 1929 года священника арестовали. Из Екатериновки батюшку отправили в Лунино, затем – в тюрьму

* Священник Петр Маркович Лебедев служил в селе Старые Турдаки вплоть до своей смерти, в 20-х – 30-х годах и репрессиям по старости не подвергался.

** Брат Анатолия, Виктор Петрович Иссинский, до революции был псаломщиком в церкви Свв. Космы и Дамиана села Большой Вяс. Однако в 1917 году, вступив в ряды Красной армии, участвовал в штурме Зимнего дворца в Петрограде. Затем работал военкомом в Азербайджане. Вернувшись в Старые Турдаки, Виктор устроился сначала волостным писарем, а затем железнодорожным рабочим на станцию Умыс, недалеко от родного села. В 1933 году Виктор Петрович был раскулачен, для выяснения ситуации ездил в Москву к Ворошилову. Потом жил в Новокуйбышевске под Самарой. Отец Анатолий хотя и поддерживал отношения с братом, но его взгляды на жизнь не разделял.

г. Пензы. 3 сентября того же года его приговорили к высылке на Урал сроком на 3 года. Наказание о. Анатолий отбывал на лесоповале в районе города Кудымкар Кировской области. Он отмечал, что в лагере со стороны начальства особых притеснений еще не было, жить было можно. В лагере трудилось много людей духовного звания. Они валили вековой лес, обрубали сучья, выкатывали бревна в определенное место и всегда поддерживали друг друга.

26 мая 1932 года о. Анатолий был освобожден, но лишен права проживания в 12 пунктах Уральской области с прикреплением к одному месту жительства сроком на 3 года. Этим местом стал г. Кузнецк Куйбышевского края. Батюшка поселился на окраине города, в доме валяльщика, выполнял тяжелые земляные работы – вкапывал столбы. Сын Константин часто ездил в Кузнецк, возил передачи и проводил с отцом драгоценные минуты. Однажды Костя пошел с отцом на городской базар подобрать батюшке сапоги. Одни люди подходили к о. Анатолию за благословением, другие проходили мимо, а третьи совсем отворачивались. Тогда батюшка сказал сыну, что это бес их отворачивает от религии. Шли дальше, выбирали сапоги. Одни попались хорошие добротные блестящие, но он их не взял, а подошел к другим, сшитым

*Иссинский Константин,
сын о. Анатолия. 1939 г.*

из кожаных лоскутков, и купил их. В этих-то сапогах батюшка и проходил всю оставшуюся жизнь. Встречи сына с отцом не были совсем свободными, говорить на определенные темы было нельзя. Отец строго наказывал Косте сжигать все его письма, говоря: «Мало того, я страдаю, еще и вы будете».

Когда батюшку забрали, матушка Варвара Федоровна сильно горевала, и чтобы жить было легче, переехала из Екатериновки в Старые Турдаки, где жили родственники о. Анатолия. Тогда стали закрывать Божии храмы и деревянную церковь в Турдаках полностью сожгли за одну ночь. Погиб любимый приход о. Анатолия, с которым был связан лучший период его жизни. Начались гонения и на матушку. Однажды ей подбросили записку, чтобы она спешно уезжала, но она осталась в селе и продолжала

работать в колхозе. В 1933 году ее действительно арестовали и отправили в тюрьму г. Саранска.

Теперь Константину пришлось ездить не только в Кузнецк, но и в Саранскую тюрьму на свидания с матерью. В Саранском доме заключения матушка занималась шитьем. Там она оказалась в одной камере с просфорней из церкви села Старые Турдаки Евдокией Ашалгиной. Сегодня нам трудно представить, как тяжело пришлось тогда 13-летнему мальчику Косте. Придя однажды в тюрьму, он узнал, что его маму сослали этапом на север, в район города Котлас Архангельской области. Промежуточным пунктом был г. Горький, откуда заключенных транспортировали дальше водным путем – на барже. Но и там, в лагере под Котласом Господь хранил матушку. Ее назначили старшей работницей в мастерской по пошиву одежды, а в 1936 году освободили. Освободилась и просфорня Евдокия Ашалгина, но от перенесенных моральных потрясений сошла с ума и умерла.

В отсутствии родителей дети – Константин и его сестра Серафима – из Екатериновки разъехались, несколько лет кое-как ютились в разных селах Мордовии: Старых Турдаках, Напольной Тавле, Кочкурово, Семилее, Новотягловке, Летках. Учились в Саранске. Когда в 1935 году освободили о. Анатолия, он снова вернулся в Екатериновку. Несмотря на то, что в церкви устроили клуб, батюшка совершал богослужения и требы тайно. В 1936 году состоялась долгожданная встреча о. Анатолия с матушкой, это был последний год их совместной жизни.

18 ноября 1937 года в Екатериновке батюшка был вновь арестован и доставлен в Пензенскую тюрьму. Постановлением тройки при УНКВД по Тамбовской области от 29 ноября 1937 года «за проведение среди населения пораженческой, контрреволюционной агитации на свержение советской власти» о. Анатолия приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели в исполнение 16 декабря 1937 года.

После ареста батюшки Варвара Федоровна с дочерью Серафимой переехала в Пензу. Не зная, что о. Анатолия уже нет в живых, она искала его по всем инстанциям, делала запросы, но ответа так и не получила. Серафима стала работать учительницей в селе Валяевка Пензенского района, а Константина забрали в армию. Несколько лет, с 1939 по 1945 г. он служил в Забайкалье, прошел Халхин-Гол, Советско-Японскую войну, а когда вернулся, то не застал в живых ни отца, ни единственную сестру Серафиму: в 1945 году ее сбила машина и она скончалась в больнице.

Шли годы. Господь подарил Константину долгую жизнь. Когда в 80-х гг. началась реабилитация жертв политических реп-

*Иссинский
Константин Анатольевич.
2007 г.*

рессий, он тоже сделал запрос в органы. Он прекрасно знал, что отца уже давно нет в живых, но, получив документы о его расстреле в далеком и страшном 1937 году, Константин Анатольевич едва дошел до дома. Замечательный человек, сын православного священника, учитель, старший лейтенант, грудь которого увешана боевыми наградами, Константин Анатольевич Иссинский живет и поныне. Беседа с этим удивительным человеком состоялась в феврале 2007 года, когда ему шел 88-й год. Когда он рассказывал об отце, старческие глаза его наполнялись слезами, и казалось, что в них отражается Святая распятая Русь.

Последняя матушка

Инокания Анна, в миру Ляпушкина Анна Сергеевна, родилась в 1892 году в селе Малый Бургас Керенского уезда* Пензенской губернии от благочестивых родителей – Сергия и Марфы. В семье, кроме Анны, были еще братья и две сестры – Серафима и Анастасия. Семья хотя и была крестьянской, но жила в достатке: отец имел свою пекарню, двухэтажный дом, работников, домашнюю прислугу. Средства от пекарни позволили дать детям хорошее по тем временам образование. От своих средств семья помогала и Тихвинскому монастырю. Так, однажды, восьмилетняя Аня понесла в монастырь выпечку со своей пекарни. Схимонахиня же Мариама, находясь в обители, чудесно прозрела это и сказала келейнице: «Иди скорее, нарви клубники. Нюрынька к нам идет, нашего стада».

Когда Анна была уже взрослой, во сне ей было видение: над Тихвинским монастырем разверзлось голубое небо, и, восседая на облаках, трубил Архангел. Проснувшись, девушка решила, что Архистратиг Божий призывает ее на путь монашества, поэтому, окончив гимназию, Анна собралась вместе с подругой в Саров за

* Ныне Башмаковского района Пензенской области.

благословением преподобного Серафима на дальнейшую жизнь.

Тогда в Саровском монастыре спасался в затворе один святой старец, которому все давали записочки с различными жизненными вопросами. Старец Анну благословил идти в монашество, а подругу – замуж. Вернувшись домой, юная паломница все рассказала родителям, и мать Анны сразу же захворала так, что некому было стоять в хлебной лавке. Некоторое время Анна еще помогала родителям, но твердо решила идти в монастырь.

В 1914 году после окончания гимназии Анна поступила на испытание в Керенский Тихвинский монастырь. Послушницы трудились на разных работах – одни на дворе, другие при храме, Анну же как девицу образованную определили на послушание в канцелярию, к самой игумении Серафиме. Было в ту пору Анне 22 года от роду. Поначалу в монастыре приходилось тяжело, но было и много радостного, ведь в сердце девушки происходило благодатное сближение с Господом Иисусом Христом. Незадолго до революции послушницу с тем же именем постригли в рясофор.

С наступлением безбожного времени в монастыре начались притеснения и бесчинства. Монахини черной лентой уходили из обители в ближайшие села, где создавали небольшие общинки. В 1927 году жемчужину Керенского уезда закрыли, приступив к ее уничтожению. Первый раз матушку сослали в 1930 году на 3 года, но куда – неизвестно. Отбыв срок, она продолжала жить в ссылке, в еврейской семье, в качестве прислуги и воспитательницы детей.

Вскоре Анна решила ехать на родину, в Керенск, поближе к монастырю и пожилой матери. Хозяева-евреи долго не отпускали ее, предупреждая об опасности, но Анна все же добралась до родных мест. Родина заливалась слезами и кровью, людской плач смешался со стоном колоколов. Около поруганного монастыря матушке пришлось пожить недолго: 7 декабря 1937 года ее вновь арестовали с приговором к 10 годам исправительно-трудовой колонии.

В один из арестов м. Анну отправили на Соловки. Жемчужина монашества – Соловецкий монастырь, стал страшным концентрационным лагерем. Люди в лагере ходили черные, изможденные, каждый день вывозили мертвецов. Руководящими людьми ставили архиереев, потому что и здесь видели их честность и доверяли. Поначалу матушке приходилось обслуживать небольшую ферму, – было сколько-то коров, было и молоко. Но со стороны заключенных появился ропот, что монашка «снимает сливки», а другим достается мало, и матушку назначили на другую работу –

лопатить зерно. С отстранением ее от фермерской работы среди скота начался педёж, все пришло в упадок. Да и самой есть было нечего, приходилось грызть горох и чечевицу. Нежная и красивая девица все терпела и постоянно молилась: «Господи, сохрани мое девство». И Божия Матерь сохранила свое чадо: через 8 лет матушку освободили.

Монахиня Анна (Ляпушкина)

Богородица хранила матушку в заключении, не оставляла и в последующем. Вернувшись на родину, она жила с двумя другими монахинями. По их кончине работала алтарницей, просфорней в Архангельской церкви. После долгих лет заключения Господь дал м. Анне ощутить тепло и заботу своих единомышленников – глубоко верующих людей. До самой блаженной кончины матушку не оставляли благочестивые люди, среди которых были схииеромандрит Алексей Козлов, бывшая прислуга – Екатерина и Серафима, жившие под Москвой, и сын Екатерины Николай, ставший священником в Коломне. Духовная жизнь инокини Анны никогда не прекращалась, в 1957 году она имела общение с Владыкой Тамбовским и Мичуринским Иосифом, который на молитвенную память подарил матушке свою фотографию.

Больше всего на свете инокиня Анна почитала Святую Троицу, Божию Матерь и свой монастырь. Она за всех молилась и

подолгу уединялась в лесной тиши. Часто посещала она сестринское кладбище на территории монастыря, откуда возвращалась умиротворенная и просветленная. В одно воскресное утро матушка сидела за столом, как бы в самосозерцании, и рассказала, что накануне была в таком месте, где ее «пропустили без очереди». Там она видела давно почившую монахиню Дарью, жившую когда-то с ней по соседству.

В обед Анна уже лежала на болезненном одре, предсказав свою кончину следующим днем, а за ней кончину своей сестры – Анастасии. Тогда никто не поверил ее словам, но все были напуганы. Блаженная кончина инокини Анны наступила в понедельник, 24 февраля 1986 года на 94-м году ее земной жизни. Это был день великого постника и девственника – преподобного Дмитрия Прилуцкого, а также Прав. Феодоры, царицы греческой, восставившей почитание святых икон.

Матушка уже лежала в переднем углу, когда из Нижнего Ломова приехала ее сестра Анастасия. Потеряв сознание, Настя умерла в тот же день. Тогда никто не знал, как совершить погребение по монашескому чину, но Господь прислал неизвестную монахиню, которая все устроила, и вот на санях в храм повезли два гроба. Когда матушку отпели, и гроб уже вынесли на улицу, возникла заминка: кто-то задержался в храме, люди мерзли и стали роптать. Только потом стало ясно, – матушка прощалась с монастырем.

Почила последняя монахиня Керенского монастыря еще дореволюционного пострижения, почила его живая легенда. Похоронили инокиню Анну на Керенском кладбище, в могиле ее матери – Марфы.

После кончины старицы были отмечены случаи ее явления разным людям. Так Анне Ивановне Курановой из Земетчино матушка явилась в тонком сне в таком величии, что та побоялась к ней приблизиться. Лидия Николаевна Сологуб получила от матушки во сне четкие указания о предстоящей поездке в Дивеево, на перенесение мощей преподобного Серафима Саровского.

Молочный источник¹⁵⁹

В трех километрах от села Пашково Земетчинского района в глубине живописного леса есть источник, именуемый Молочным. Здесь по старинному преданию чудесным образом явилась икона Божией Матери Млекопитательницы. Самый источник находится в глубоком овраге. Кристально чистая ключевая вода мелкими

струйками бьет из серебристо-белого песка, создавая впечатление кипящего молока. Это место верующие Пензенской, Тамбовской и Рязанской губерний истари почитали святым. Старожилы говорят, что когда-то в этих местах, по рекам Ват* и Выша стояли скиты, где спасались монахи. Вот и все, что нам известно об истории Молочного источника до революции.

Во время советских гонений в истории Молочного источника начинается новая эпоха. В 1930-х – 1940-х гг. здесь была образована тайная православная община верующих. Основательницей общины стала жительница села Раево Моршанского** уезда Анастасия Кузьминична Мишина, известная среди верующих как блаженная Анастасия Пашковская. Она была человеком семейным – имела супруга Федора и двоих сыновей, Семена и Александра. Поэтому на Молочный источник в поисках уединения и молитвы верующие стали притекать тоже целыми семьями.

Община верующих Молочного источника

Роль женщины в сохранении православной веры и христианских традиций отмечалась неоднократно. Еще на Поместном Соборе Российской Православной Церкви в одном из выступле-

* В дореволюционных картах сел Керенского уезда река Вад пишется как Ват.

** Ныне Земетчинского района Пензенской области.

ний 24 июля 1918 года говорилось: «Женщины приобщили себя к апостольскому подвигу, женщины приняли самое близкое участие в жизни и подвигах учеников Христа и вообще в строительстве жизни древней Церкви. Теперь, когда волна кровавых гонений на Церковь Христову вновь поднимается и растет, когда требуется напряжение всех сил Церкви для отражения силы вражьей, теперь, когда дорог каждый воин, стоящий на своем посту... теперь особенно вопрос об участии женщин в жизни Церкви является вопросом жизненным... Женщины еще сохранили живую восприимчивость к вере Христовой, они еще полны горячей преданности Церкви: они, по крайней мере, в своей массе еще не тронуты так тлетворным влиянием учений века сего; они хранят еще лампаду веры непотухшею. И в эту надвигающуюся на нас ночь неверия... не пришло ли время призвать женщину к самому широкому участию в жизни Церкви?»¹⁶⁰.

Светлое время суток пустынники проводили в работах: строили хижины, возделывали огороды, плели корзины и лапти, бортничали и так кормились от трудов своих. Ночи же проводили в молитвах, чтении Священного Писания, псалмов, акафистов. Всего в тайном скиту на источнике в непрерывных трудах, бдениях и молитвах спасалось около 30 человек. Каждый из насельников получал на день послушание: кто-то навещал в селе болящего, кто-то возил дрова, кого-то посылали по тем или иным надобностям в Вышинскую пустынь. Некоторые из пустынников отлучались в паломничества по святым местам – в Дивеево, Сергиев Посад, Киев, причем ходили пешком.

Но Господь сказал ученикам своим: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16, 24). Вскоре на святом источнике произошло событие, которое для всех его обитателей отозвалось эхом многолетних страданий за веру Христову. В 40-х годах община была предательски выдана властям как религиозное староцерковное объединение и очаг антисоветской пропаганды. Молочный источник был окружен работниками НКВД и около 20 человек подвижников были арестованы.

Первоначально верующих доставили в Заметчино, где состоялся общий допрос:

– Ну и за что же вы здесь все оказались? – спрашивал следователь.

– За веру. Молились мы.

– Ну что, будете еще молиться?

– Будем, будем молиться, – послышался ответ хором.

– Так вы понимаете, что вас всех расстреляют и переса-

жают.

– Ну и что же. Как молились, так и будем молиться.

После допроса верующих отправили на суд в Пензу. Сначала всех приговорили к расстрелу, но затем последовало смягчение приговора на пожизненное заключение. Старцы-пустынники, женщины-молитвенницы были сосланы в самые суровые и отдаленные лагеря и тюрьмы НКВД.

После арестов обездоленные дети репрессированных семей жили с оставшейся на свободе верующей Анной Борисовной Чуньковой. Жили в доме Анастасии, в Раево, откуда им запретили отлучаться. Пришлось терпеть крайнюю нищету, страшный голод, холод, насмешки сверстников; в дом постоянно приходили с обысками и проверками. И так продолжалось долгие годы.

*Мишина
Анастасия Кузьминична*

Основательница тайного скита на Молочном источнике **Анастасия Кузьминична Мишина** родилась 4 ноября 1881 года в селе Раево Моршанского уезда Тамбовской губернии и происходила из семьи благочестивых крестьян. Земетчинский край – край особый: он всегда отличался крепостью веры. С детских лет Анастасия молилась в сельской церкви Космы и Дамиана, часто ходила за наставлением к известному праведнику о. Николаю Болоховскому в село Стяжкино. Духовное становление Анастасии происходило и во время странствий по святым местам: не раз бывала она у мощей преподобного Серафима, преподобного Сергия, в Киевской и Почаевской Лаврах.

В 20–30-х годах Анастасия была уже известна своим благочестием и среди местного населения снискала уважение и любовь. Однако начавшиеся гонения на христиан обнаружили многих недоброжелателей и завистников подвижницы. Однажды Анастасия сподобилась великого чуда. Ей было видение Божией Матери, которая велела собирать верных и идти спасаться в лес, на Молочный родник. Покинув родное село, Анастасия поселилась на святом источнике, куда последовало несколько верующих семей, ищущих спасения.

В основном община была женской, сюда приходили многие девицы, хранящие целомудрие. Насельники вели свое хозяйство: пилили лес, строились, сажали огород, сами пекли хлеб и были совершенно независимы от мира. Но не в этом состоял смысл их жизни. Пустынники проводили строгое подвижническое житие. В 5 часов начиналось чтение утренних молитв, затем читали каноны, акафисты, многие из которых знали наизусть. После общих молитв Анастасия давала указания, кому за кого молиться, каких болящих посетить и проч. У Анастасии и ее супруга Федора в Раево было хозяйство – дом, сад и пасека. Хозяйством в селе занимался Федор, но почти все, что получали, старались раздать болящим и страждущим. Скитяне очень почитали преподобного Серафима Саровского и Божию Матерь. На службы ходили в салтыковскую церковь.

За благочестивую жизнь Господь наделил Анастасию дарами Святаго Духа: она многих исцеляла, прозревала судьбы и события. Например, был такой случай. В селе Ушинка жила благочестивая раба Божия Анна Петровна Суханова – местный агроном. Председатель исполкома узнал, что она верит в Бога и на Анну завели дело. В назначенный день в Земетчино должен был состояться суд, на котором с нее хотели публично снять крест. Когда Анна обратилась к Анастасии, то получила ответ: «Езжай на суд – Господь все управит». По совету Анастасии Анна приехала в Земетчино, и оказалось, что председателя с должности сняли и внезапно перевели в другое место. Суд не состоялся, и само дело было забыто. Известен и другой случай. Однажды в Знаменской округе из-за сильной засухи погибал урожай. Как агроном Анна Петровна Суханова была этим сильно обеспокоена. Зная о силе молитвы Анастасии, Анна повезла подвижницу в Ушинку молиться о ниспослании дождя. Как только они доехали до Ушинской горы, грянул сильный ливень, и урожай был спасен.

В 1945 году, 9 октября, Анастасия Мишина была арестована. После допроса в Земетчино ее в числе прочих доставили в Пензу. В это время здесь судили группу пензенских верующих, некоторых из них уже приговорили к расстрелу. Анастасию заключили в одну камеру с пензяками, и тогда она сказала, что осужденные на смерть останутся в живых. Это было невозможно, но подвижница всю ответственность за пензенских верующих взяла на себя, и расстрел заменили длительными сроками заключения. В Пензенской тюрьме верующие пели духовные песни, молились, получали передачи, т. к. народу к ним приходило очень много.

Первоначально Анастасии хотели дать пожизненное заклю-

чение. В вину вменялось руководство религиозно-монархической организацией «Монастырский союз», которое базировалось в лесу Юрсовского лесничества и насчитывало около 30 человек-членов. Казалось, положение было безвыходным. Следовательно не раз спрашивал Анастасию, на что она надеется, но получал лишь один ответ: «Надеюсь на Божию Матерь». 15 марта 1946 года постановлением Особого Совещания при МВД СССР по ст. 58-10-11 УК РСФСР Мишину Анастасию Кузьминичну приговорили к 5 годам лишения свободы. Наказание исповедница отбывала в одиночной камере (изоляторе) тюрьмы г. Владимира, откуда освободилась лишь в 1954 году по амнистии, после смерти Сталина.

Вместе с ней во Владимир отправили пензенскую монахиню Марию Филипповну Гулынину. После освобождения Мария рассказывала, что условия в тюрьме были ужасные, но Анастасия даже там вела аскетический образ, держала строгие посты: кроме сухарей и сушеных яблок ничего не ела, хотя бывала скоромная пища. Первые годы заключения проходили без права переписки, только в 1948 году Анастасия послала детям одно из первых писем, датированное 3 марта.

«Здравствуйте, милые мои и дорогие детки Ньюша, Феня, кланяюсь вам и целую несчетно раз, и желаю от Господа Бога доброго здоровья и душевного спокойствия. Милые мои доченьки, жму вас к своей наболевшей душе, я очень об вас соскучилась, не могу высказать. И так же целую моих дорогих внучат: Толю, Серафиму, Шуру, Маню, Борю, Валю и желаю им расти в послушании и в понятии в школьном учении и милаго моего Коленьку целую всех больше.

Милые мои детки, я хочу вам написать, что у нас вышло новое постановление: письма писали 2 пис. в месяц, а теперь 2 письма в год, передачи отменили и посылки, а только разрешаются денежные переводы. Милые мои детки, вы себя жалейте, много не разоряйтесь, деньги у меня еще ведутся, а если будете в силах прислать денег – не раньше Троицы. Я вам очень благодарна, на это письмо напишите ответ поскорее, а следующее письмо будете писать, когда я вам пришлю, а вы мне ответите.

Милые детки Ньюша и Феня, прошу вас, напишите милому моему сыночку и дорогой невестке, Саше и Нюре и Мите. Кланяюсь им и желаю от Бога доброго здоровья и всякого благополучия в их жизни. Милые мои детки, вы обо мне сильно беспокоитесь и пишите, как я переношу все со своим больным сердцем. Детки, прошу вас не беспокойтесь, мне неплохо и здоровье мое улучшилось, слава Богу. Одно только меня беспокоит, что не вижу вас

и как вы живете: ведь я одна, а вас десять человек, по куску одному – надо десять кусков. А я сыта и одета, и обута. У вас целая корова и овечки, если целые, то слава Богу, и как ваше здоровье? Напишите, все ли живы. Остаюсь ваша доброжелательница, мама и бабушка. До свидания, жду скорого ответа, как соловей лета. Живите дружнее в совете и любви, где любовь и совет, тут и Бог, и споренье, и благодать в доме. Шлю вам родительское благословение».

Кроме письма, сохранился платочек с цветочками, который Анастасия вышила, находясь в изоляторе Владимирской тюрьмы. Этот платочек не стирался со времен 40–50 годов и выглядит чистым*.

В 1954 году зимой, на дровнях, Анастасию привезли домой, в село Раево. Она была совсем застужена, сильно кашляла. После освобождения жила в родном селе без права выезда. Только раз в месяц в сопровождении милиции ее возили в Земетчино на проверку. Долгие годы тюрьмы не сломили твердой веры Анастасии, не нарушили любви и мира в ее сердце. Она по-прежнему оставалась человеком необыкновенной доброты, такой же улыбчивой, матерью семейства, наставницей общины.

Многих людей Анастасия привела к Богу как при жизни, так и после своей смерти. Ходили к ней и те, кто раньше жил на Молочном источнике, ходили и новые люди. Всех она исцеляла, поднимала на одре лежащих. По ее молитвам Господь исцелил сноху, которая задыхалась, а однажды Анастасия исцелила рабу Божию Нину, которая много лет была прикована к постели, но встала и пошла.

В 1956 году умер муж Анастасии Федор. Когда стали собираться на похороны, она велела всем брать плащи, потому что будет буря. И действительно на похоронах поднялся ураган, и Анастасия сказала: «Видите! Так враг борется за каждую душу». О себе Анастасия говорила: «Не хороните меня в Раево, туда ко мне никто не придет, а хороните в Пашково». Анастасия ненадолго пережила своего супруга, она почилла 2 апреля 1959 г. на 78 году земной жизни и похоронена на кладбище села Пашково Земетчинского района.

Однажды на Светлой Седмице известный в Земетчинских краях подвижник Василий Лебединский молился на могилке Анастасии и, прославляя Бога, не заметил, как оказался стоящим в воздухе, на локоть от земли. Память блаженной Анастасии Пашковской принято совершать в Светлый Четверг.

Федор Григорьевич Мишин – муж Анастасии, родился в

* Святыньки находятся в музее Керенского Тихвинского мужского монастыря.

1883 году, происходил из крестьян-середняков села Раево и был грамотным. Он работал «пилоточем» в Юрсовском леспромхозе в селе Раево. Когда образовалась община на Молочном источнике, он часто бывал и временами жил там, вел хозяйство и в селе. Это был трудолюбивый крестьянин, в совершенстве знавший столярное, плотницкое и пасечное дело. Его трудами кормилось не только собственное большое семейство. По инициативе Анастасии, часть трудов раздавалась болящим, одиноким и обездоленным людям. Духовное состояние Федора поддерживалось его супругой, которая всякий раз звала его в храм. Вообще Федор Григорьевич был человеком суровым, и даже бывало, по обстоятельствам, роптал, однако, также разделил участь насельников

*Мишин
Федор Григорьевич*

Молочного источника, что, возможно, вменилось ему в праведность. Он был арестован одним из первых 9 декабря 1942 года Салтыковским РО УНКВД по Пензенской области и отправлен в жестокие карагандинские лагеря (Карлаг) сроком на 8 лет. Вернувшись на родину, Федор ездил на заработки в Таганрог, где проживали его родственники. Перед смертью, которая последовала в 1956 г., он крепко уверовал в Бога и, покайсявшись в грехах, почил с миром. Отпевали Федора Григорьевича всей округой, обряд совершал священник села Салтыково о. Иоанн Сазонов.

*Мишин Федор Григорьевич
с сыновьями – Семеном
и Александром (слева направо)*

Александр Федорович Мишин – сын Федора Григорьевича, 1923 г. р., верующий. Постоянно терпел издевательства и насмешки со стороны местных безбожников как «враг народа». Считался рецидивистом, опасным для советского общества. Был вынужден постоян-

но скрываться, в том числе в Моршанске, где 18 марта 1947 года застрелен сотрудниками милиции при попытке к бегству.

Анна Петровна Мишина родилась в 1924 году в селе Кандиевка Безенчукского района Самарской губернии в семье коммунистов. Ее отец, возвращаясь с Первой мировой войны домой, проходил Заметчинскими краями, которые Петру тогда очень понравились. В начале 20-х гг. семья испытала страшный голод в Поволжье, но чудом избежала смерти и переехала в Пашково Моршанского уезда Тамбовской губернии. Здесь Анна закон-

чила семилетку, познакомилась с семьей Анастасии и вышла замуж за ее сына Александра. Знакомство с семьей подвижницы зажгло в сердце девушки огонь православной веры, и Анна поселилась на Молочном источнике. Вскоре Анна Петровна овдовела: мужа застрелили сотрудники милиции в Моршанске. После того как на источнике всех арестовали, Анастасия поручила Анне быть вместо нее, но вскоре, 9 апреля 1948 года была арестована и сама Анна. На вопросы следователя – молились ли? выступали против советской власти? ждали немцев? – Анна отвечала: «Мы работали. Молиться – молились, потому что это не запрещено, а от политики были далеки».

Мишина Анна Петровна

5 июля 1948 года Анна была осуждена Судебной коллегией по уголовным делам Пензенского облсуда по ст. 58-10-11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы «за активное участие в 1941 году в деятельности ликвидированной в 1945 г. антисоветской организации «Монастырский союз» и проведение антисоветской агитации». Наказание отбывала в отделении №1 Дубровлага МВД СССР, близ поселка Явас Zubовополянского района Мордовии. В лагере заставляли работать практически без отдыха: день и ночь шили фуфайки для Красной армии. К узникам обращались по номерам, нашитым на одежде. Ночами изможденных людей выводили на улицу, и каждый раз все думали, что на расстрел. Но их строили, считали и снова вводили в бараки на работу. В лагере отбывали срок латыши, к которым применялись зверские пытки. Как упоминалось выше в воспоминаниях Анны Мишиной, чтобы

заставить человека говорить, его сажали за стол, а пальцы помещали в прикрученные к столу тиски. Из страшного лагеря Анна Петровна освободилась по амнистии 28 июля 1955 году в связи с недоказанностью предъявленного обвинения. Она вернулась на родину, оставшись доброй и глубоко верующей женщиной.

Священник **Борис Павлович Чуньков** родился 24 июля 1884 года в селе Гаугеровка, ныне Башмаковского района Пензенской области. С детства занимался сельским хозяйством. Окончил 4 класса сельской школы. По возвращении на родину с Первой мировой войны, в 1917 году принял сан православного священника. Первоначально служил в родном селе Гаугеровка и соседней Матчерке. Бывал на Молочном источнике. В 20-е годы, когда свирепствовала эпидемия тифа, матушка о. Бориса Евдокия Филипповна ухаживая за больными, заболела сама и вскоре скончалась. Бесчеловечность советских гонений овдовевший о. Борис испытал еще в родной Гаугеровке. В начале 30-х его выгнали из собственного дома с четырьмя детьми на руках, а сельчанам пускать батюшку в свои дома строго запретили. Семье пришлось скитаться. Однажды их пустили в баню, но хозяева, испугавшись, скоро выгнали семью. Некоторое время до 1937 года о. Борис служил в селе Рязна Земетчинского района, где 8 ноября был арестован Земетчинским РО УНКВД по Воронежской области. Батюшку обвинили по статье 58-10, ч. 1 и решением тройки УНКВД по Тамбовской области от 20 ноября 1937 г. за распространение листовок религиозного содержания приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Священник Борис Павлович Чуньков был расстрелян 20 января 1938 года в г. Моршанске. Место его захоронения нам неизвестно. Продолжением его духовной деятельности стали его дети: Мария, Анна, Дмитрий, Александра.

Мария Борисовна Чунькова – дочь священника Бориса Чунькова, родилась 18/31 января 1907 года в селе Гаугеровка. Ее муж рано умер от тяжелой болезни еще в армии, после чего Мария встала на путь благочестивого вдовства и решила всю жизнь посвятить Богу. Она пела на клиросе в церкви села Салтыково, жила в общине на Молочном источнике. Отличалась редким незлобием и смирением, была человеком исключительной доброты, сугубой постницей, непрестанной молитвенницей. Вставала Мария с рассветом и до обеда ничего не вкушала, а только молилась и молилась. По ее молитвам бывали чудеса и исцеления. Часто Мария ходила по святым местам: в Дивеево, Киев, Почаев, Сергиеву Лавру, Свято-Данилов монастырь и везде ее встречали как свою, везде ей были рады.

14 октября 1945 года вместе с насельниками Молочного ис-

точника Мария была арестована, а 15 марта 1946 года за участие в антисоветской религиозно-монархической организации «Монастырский союз» приговорена к 6 годам заключения. Наказание от-

*Чунькова
Мария Борисовна*

бывала сначала в Соловецкой тюрьме, где познакомилась с благочестивыми девами из Украины, затем была переведена в лагеря близ поселка Инта Северного Урала. Последние годы срока Мария жила в семье одного врача, где занималась воспитанием его детей. Однажды врач предложил ей сделать документ, чтобы по освобождению получать пенсию, но Мария отказалась, сказав: «Мне вражьего не надо».

Мария жила в целомудрии. Трижды была парализована. Вернувшись из заключения на родину, продолжила подвижнический образ жизни. Ходила с брезентовой сумкой полной божественных книг – читала по усопшим псалтырь. Сподобилась от Господа дара различения духов. Бывало, при-

едет к своей племяннице в гости, в Саратов, а квартира у нее была неосвященная. Помолится, ляжет спать, а утром и говорит: «Тяжело было спать, всю ночь бесы одеяло стягивали». Впоследствии старалась избегать таких ночевок. Почила Мария в глубокой старости на Светлое Христово Воскресение, 25 апреля 1987 года. Разговелась яичком, трижды пропела «Христос Воскресе из мертвых» и отошла ко Господу. Похоронена подвижница в центре кладбища села Раево.

Дмитрий Борисович Чуньков – сын священника Бориса Чунькова, был грамотным, имел благообразный вид и хороший голос. Служил диаконом с отцом при церкви села Гаугеровка. Некоторое время проживал на Молочном источнике. Когда у Дмитрия появилось желание поступить в институт, Господь остановил его: он простудился и был парализован. Восприняв это обстоятельство как вразумление, Дмитрий оставил желание идти в институт и вскоре поправился. Поселившись в ветхой избенке на краю села Раево (в Стефино), стал проводить время в бдениях и молитвах. Условия были тяжелыми, приходилось жить с крысами, но он ничего в жизни не боялся кроме Бога. Когда Дмитрий умер, на месте его лачуги было явление Божьего храма.

Анастасия Дмитриевна Барышова родилась в 1923 го-

ду в селе Н. Матчерка Моршанского уезда Тамбовской губернии*. Закончила 8-летнюю сельскую школу. Девица. С 1941 года жила в православной общине верующих в лесу на Молочном источнике. Трудилась, молилась, исполняла в общине различные работы. Ходила в низко натянутом на глаза платке. Посещала Архангельскую церковь села Салтыково.

В 1945 году 15 декабря была арестована вместе с другими верующими общины и заключена в Пензенскую тюрьму. Из следственного дела: «Активная участница антисоветской религиозно-монархической организации «Монастырский союз», где обсуждались вопросы борьбы с советской властью. Вступила в союз в 1941 г., прошла монашеский постриг, который проводила руководительница организации Мишина А. К., и стала послушницей, принимала участие в чтении и проведении религиозных обрядов, пении стихов «20 век».

15 марта 1946 года Анастасию приговорили к 3 годам лишения свободы. Однако срок, видимо, был увеличен до 10 лет. Наказание отбывала в поселке Дудинка Архангельской области. Непреклонно хранила девство, из-за чего посылалась на самые тяжелые работы, связанные с рыбным промыслом. «Часами стояла по пояс в воде, в обледенелом резиновом фартуке».

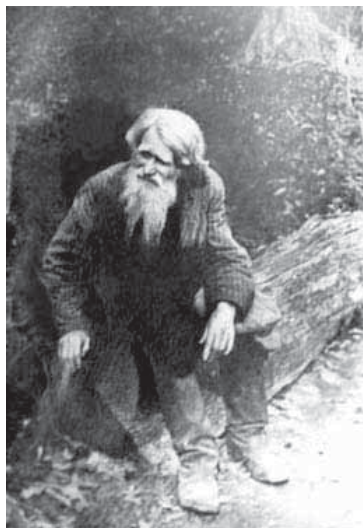
*Барышова
Анастасия Дмитриевна*

Срок отбыла полностью, оставшись глубоко верующим человеком. Вернулась в село Пашково, страдая тяжелой формой ревматизма. Вскоре отказали ноги, и она перестала ходить, была парализована, долго лежала, не вставая с постели. Почила о Господе в 70-х годах. Похоронена на кладбище села Пашково.

Дядя Иаков (Гаврин Яков Алексеевич) родился в 1880 году в селе Ушинка Керенского* уезда Пензенской губернии и происходил из крестьян. В родном селе женился на рабе Божией Полине (Гаврина Пелагея Васильевна). Супруги проживали на Молочном источнике, отличались глубокой верой в Бога, благочестием и необыкновенной добротой. Дядя Иаков был явно отмечен благодатью Святаго Духа. Например, будучи почти слепым, он открывал Священное Писание на любой странице и свободно читал. Бывало,

* Ныне Земетчинского района Пензенской области.

когда на улице шел ливень, он заходил в избу совершенно сухим – дождь не мочил его. Над головами у некоторых девиц Иаков еще при их жизни видел венцы, однако сказывать о том до времени никому не велел.

Дядя Иаков

Параскева Конкина родилась в 1904 году в селе Кирилловка Моршанского уезда Тамбовской губернии. Жила в православной общине на Молочном источнике. В 1945 была арестована. Срок отбывала в Магадане, где работала в том числе и поваром. Вернулась через 6 или более лет. Почила 10 июня 1978 г.

Ольга Александровна (Челушкина) Паршкова родилась в 1916 году от благочестивых и богобоязненных крестьян села Земетчино. В конце 30-х гг. Ольга вышла замуж за Гаврилу Осиповича и родила сына, которого назвала Виктором. Однако после рождения младенец умер. Второго сына назвали Виктором в память о первом, но и он умер в младенчестве. Горю родителей не было предела, а когда в 1943 году погиб на фронте Гаврила Осипович, Ольга увидела в этом промысел Божий и решила посвятить свою жизнь Богу. Надев черный платок и раздав имущество бедным, подвижница отправилась на Молочный источник, где стала проводить богоугодную жизнь. Она отказалась от мясной пищи, налагала на себя посты, понедельничала, проводила время в молитве, бдениях и чтении псалтыря.

14 октября 1945 года Ольга была арестована. В НКВД ее зверски пытали: били резиновыми плетками, задавали вопросы, кто к ней приходил и для чего. Три с половиной года Ольга провела в тюрьме с. Арбеково (ныне в черте г. Пензы), которая

представляла собой одноэтажное, бревенчатое и темное изнутри здание. Освободившись в 1947–1948 гг. подвижница почти ослепла. Ездил с племянницей Раисой по тюрьмам, навещая верующих с Молочного источника, совершала паломничества к русским святыням. В 1986 году Ольга Александровна Паршкова вернулась в родные места, где и почил в том же году. Сохранилось последнее письмо Ольги, в котором она просит родственников похоронить ее, а свои иконы – до смерти не раздавать. Преследованиям и арестам подверглась и сестра Ольги – **Александра Александровна Паршкова**.

*Паршкова
Ольга Александровна*

Акулина Колударовская* – молитвенница, проживала на Молочном источнике. Была арестована в 1940-х гг. и сослана в лагеря на 5 лет. Вернулась в Пашково. **Христиния Ольховская**** также жила на Молочном источнике была арестована, отбыла 3-летний срок заключения. **Тетя Поля Рябая** – молитвенница, девица, проживала на Молочном источнике.

Недалеко от источника, на т. н. старом бараке, в трудах, посте, бдениях и молитвах жили супруги **Петр и Мария, Василий и Мария, Сергей и Ирина**. Все также были арестованы и отправлены в советские тюрьмы и лагеря; их дальнейшие судьбы не прояснены.

Позднее, уже в 50-е годы, подвижников Молочного источника окормлял священник церкви села Салтыково о. **Иоанн Васильевич Сазонов**. Он родился 24 июня 1907 года в селе Красная Дубрава Моршанского уезда Тамбовской губернии. Образование имел – 3 класса сельской школы. На 1937 год жил и служил священником в селе Сядемка, где 11 октября был арестован. 28 октября 1937 года «за распространение слухов о голоде, войне и гибели советской власти» о. Иоанн был приговорен к 10 годам концлагеря. Наказание отбывал в Хабаровском крае (Амурлаг НКВД).

Это был простой человек, который всех жалел, всем сострадал, со всеми делился последним, безропотно терпел скорби и лишения. Дети очень любили его: бывало, бегут за ним, чтобы получить благословение, а кроме благословения получают от

* По селу Колударово Земетчинского р-на.

** По селу Ольховка Земетчинского р-на.

батюшки деньги, гостинцы. Отец Иоанн очень уважал семью Анастасии Пашковской, ему же довелось провожать супругов в последний земной путь. Их отпевание состоялось при большом стечении народа. Сам о. Иоанн по навету был переведен из салтыковской церкви в один из приходов Башмаковского района.

*Священник Иоанн
Сазонов*

в церковь села Салтыково, где и почил о Господе.

Сегодня Молочный источник мало кому известен, о нем знают лишь местные жители. На карте Пензенской области это самая отдаленная от Пензы точка. Хорошей дороги туда нет и проехать можно лишь на тракторе. Но, добравшись до этого святого места, увидишь остатки хижин, напьешься воды и ощутишь великую благодать, которую в годы гонений стяжали здесь многие молитвенники святой земли Земетчинской. Жительница города Покровска Саратовской области Мария Семеновна Екатериничева, внучка подвижницы Анастасии Пашковской, еще в детстве набрала из Молочного источника святой воды. Она и теперь, спустя 60 лет, хранится, не теряя своих качеств. Мария Семеновна и рассказала нам всю историю Молочного родника.